

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему «Домашний арест: основания и порядок применения»

Обучающийся

Н.А. Козлов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук, профессор, А.М. Моисеев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Актуальность исследования. С 2017 г. наблюдается уменьшение практики избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения. В 2021 – 2022 гг. подсчитан незначительный процент применения данной меры пресечения: в 2021 г. назначен в 5% случаях, а в 2022 г. – в 4% [11, с. 127]. Снижение популярности домашнего ареста как меры пресечения объясняется тремя факторами: процессуальным удобством нахождения подозреваемого (обвиняемого) в СИЗО, чем крайне недоволен Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, резюмируя по результатам 2022 г. следующее: «... суды не в полной мере реализуют возможность избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу» [11, с. 127]; оптимизацией норм уголовно-процессуального законодательства; развитием и увеличением практики применения конкурирующей меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Современная регламентация этапов реализации домашнего ареста как меры пресечения не обделена проблемами, отмечаемыми как в правоприменительной практике, нормах законодательства и подзаконного законодательства, так и связанными с технической оснащённостью средств контроля, наносящими существенный вред его репутации.

Цель исследования: проанализировать современное состояние домашнего ареста в системе мер пресечения.

Структура исследования: введение, три главы, разделенных на параграфы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общие положения о домашнем аресте	7
1.1 Домашний арест: понятие, сущность, место в системе мер пресечения	7
1.2 Правовое регулирование домашнего ареста: история и современность	17
1.3 Ограничения и запреты меры пресечения в виде домашнего ареста	20
Глава 2 Основания и порядок применения домашнего ареста	27
2.1 Основания и условия избрания домашнего ареста	27
2.2 Характер и объем ограничений и запретов, назначаемых при применении домашнего ареста	35
Глава 3 Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде домашнего ареста и пути их решения	39
Заключение	45
Список используемой литературы и используемых источников	48

Введение

Актуальность исследования. С 2017 г. наблюдается уменьшение практики избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения. В 2021 – 2022 гг. подсчитан незначительный процент применения данной меры пресечения: в 2021 г. назначен в 5% случаях, а в 2022 г. – в 4% [11, с. 127]. Снижение популярности домашнего ареста как меры пресечения объясняется тремя факторами: процессуальным удобством нахождения подозреваемого (обвиняемого) в СИЗО, чем крайне недоволен Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, резюмируя по результатам 2022 г. следующее: «... суды не в полной мере реализуют возможность избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу» [11, с. 127]; оптимизацией норм уголовно-процессуального законодательства; развитием и увеличением практики применения конкурирующей меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Современная регламентация этапов реализации домашнего ареста как меры пресечения не обделена проблемами, отмечаемыми как в правоприменительной практике, нормах законодательства и подзаконного законодательства, так и связанными с технической оснащённостью средств контроля, наносящими существенный вред его репутации.

Объект исследования: общественные отношения, возникающие при избрании и применении домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Предмет исследования: научные, нормативные и практические положения, раскрывающие отдельные аспекты домашнего ареста как меры пресечения.

Цель исследования: проанализировать современное состояние домашнего ареста в системе мер пресечения.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать понятие, сущность и место домашнего ареста в системе мер пресечения;

- выявить правовое регулирование домашнего ареста в истории российского государства;
- определить ограничения и запреты, избираемые наряду с домашним арестом;
- рассмотреть основания и порядок применения домашнего ареста;
- установить проблемные аспекты применения меры пресечения в виде домашнего ареста и пути их решения.

Степень научной разработанности темы исследования. Отдельным вопросам домашнего ареста как меры пресечения посвящено множество научных работ. Для решения цели и задач настоящего исследования использованы труды следующих авторов: Н.Н. Апостолова, А.У. Абдуллина, Б.Б. Булатов, А.И. Волков, М.В. Воробьёв, С.А. Голубинский, К.И. Голубцова, К.И. Давлетшина, Д.А. Долгушин, Е.Н. Ефимова, Е.В. Ермасов, Р.М. Жиляев, Б.Б. Истомина, А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский, А.В. Квык, А.Ф. Кистяковский, С.М. Колотушкин, В.В. Климов, Ю.О. Мещерякова, А.Р. Тахаутдинова, Т.В. Мычак, Ю.Г. Овчинников, Т.К. Рябинина, Д.Е. Снегирева, М.О. Румянцева, А.М. Советов, Е.В. Салтыков, В.П. Сальников, Ю.О. Челпанова и других.

Нормативная основа исследования. В ходе исследования подвергались анализу и критике положения Конституции РФ, УК РФ, УПК РФ, Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста», Федерального закона «О связи», Приказа Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020, Постановления Правительства РФ от 18.02.2013 № 134, Распоряжения Правительства РФ «О Концепции развития

уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

Эмпирическая основа исследования. При решении цели и задач настоящего исследования использованы акты-разъяснения Пленума Верховного Суда от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», решения судов общей юрисдикции.

Методология исследования: применены общенаучный диалектический метод научного познания, общие и частные методы (например, исторический, логический, сравнительный, социологический, системно-структурный).

Структура исследования: введение, три главы, разделенных на параграфы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения о домашнем аресте

1.1 Домашний арест: понятие, сущность, место в системе мер пресечения

Уголовно-процессуальное принуждение признается одним из ценных институтов уголовно-процессуального права, поскольку им выстраивается тот вариант поведения, который считается надлежащим для уголовного процесса.

УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ посвящает вопросу ограничения прав и свобод человека и гражданина раздел IV, именуемый «Меры процессуального принуждения», которым предусматривает:

- гл. 12 «Задержание подозреваемого», где определяются основания и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления;
- гл. 13 «Меры пресечения», где содержится исчерпывающий перечень мер воздействия, избираемых в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, а также конкретизируются вопросы их применения;
- гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения», назначаемые как в отношении подозреваемых, обвиняемых (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество), так иных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика, понятого) [50].

Природа мер уголовно-процессуального принуждения выражается через призму обязанностей участника уголовного процесса, а именно через обеспечительные меры соблюдения и исполнения указанных обязанностей. Они исполняют роль гаранта соблюдения всех правил уголовного процесса. Их реализация строго регламентирована в уголовно-процессуальном законодательстве.

В УПК РФ не содержится определения мер пресечения. С целью раскрытия содержания исследуемого понятия необходимо обратиться к доктрине уголовно-процессуального права.

Меры пресечения – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры принуждения, которые применяются в рамках уголовного дела к обвиняемому, подозреваемому, подсудимому и несущие последствия в виде ограничения конституционных прав и свобод вышеперечисленных участников процесса.

«В УПК РФ закрепляется исчерпывающий перечень мер пресечения. В него входят:

- подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу».

Такая иерархия мер пресечения неслучайна: российский законодатель расположил их в порядке возрастания степени посягательства на конституционные права и свободы человека, где домашний арест и заключение под стражу занимают последние места, т.к. ограничивают обвиняемого, подозреваемого в свободе передвижения, личной неприкосновенности и прочих благах.

Применение мер пресечения допускается при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда. Об этом могут свидетельствовать наличие двойного гражданства, недвижимости в иностранном государстве, ВНЖ, разрешения на

временное проживание, объявление подозреваемого (обвиняемого) в розыск.

- может продолжать заниматься преступной деятельностью. Об этом могут свидетельствовать совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества, а также постпенитенциарное поведение подозреваемого (обвиняемого).
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

В качестве самостоятельного основания для избрания меры пресечения закон называет обеспечение исполнения приговора или возможная выдача лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Представляется верным, что применение мер пресечения осуществляется с целью ликвидации возможности подозреваемого (обвиняемого) каким-либо своим действием (бездействием) воспрепятствовать производству предварительного расследования.

В тех случаях, когда следователь, дознаватель, суд располагают данными о личности подозреваемого (обвиняемого), понимают об отсутствии изложенной опасности, то у них отпадает необходимость избрания в отношении данного субъекта меры превентивного (пресекательного) воздействия.

Этим суждением в достаточной степени раскрывается содержание термина, используемого в тексте ст. 97 УПК РФ – «достаточные основания», который излагается в тексте названной уголовно-процессуальной нормы в контексте наличия достоверных сведений для избрания той или иной меры пресечения.

Мера пресечения избирается правоприменителем не только по внутреннему убеждению, но также и при оценки имеющихся доказательств,

которые в свою очередь обосновывают применение той или иной меры пресечения.

Принято выделять следующие группы доказательств, позволяющих обосновано применить соответствующий вид принуждения в отношении подозреваемого или обвиняемого:

- первая группа доказательств являются неоспоримыми фактами причастности лица к совершению соответствующего уголовного преступления. К таковым относятся: задержание лица с поличным, имеются следы преступления на подозреваемом, имелось при себе орудие преступления и так далее.
- доказательства, отражающие посткриминальное поведение подозреваемого (обвиняемого). О таком поведении свидетельствуют действия (угрозы) подозреваемого (обвиняемого) по уничтожению доказательств, их фальсификации, оказанию давления на участников уголовного процесса, как физического (нанесение побоев), так и материального (уничтожение имущества), и психологического (расправа над близким лицом, родственником участника уголовного судопроизводства), иные меры воспрепятствования нормальному ходу расследования по уголовному делу;
- доказательства, учитываемые во всех случаях. Пленум Верховного Суда РФ в 2013 г. дал разъяснения, что при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения должны учитываться такие обстоятельства, как тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

И, только если имеются достаточные основания, подтвержденные доказательствами, суд, следователь или дознаватель правомочен применять одну из мер пресечения, перечисленных в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Наличие изложенной доказательственной базы позволяет следователю, дознавателю, суду избрать в отношении подозреваемого (обвиняемого) одну из мер пресечения, установленных ст. 98 УПК РФ.

Особое место среди всего перечня мер пресечения занимает непосредственно домашний арест. Сегодня многими учеными, включая преподавателями ФГБОУ ВО «Гольятинский государственный университет», Института права Ю.О. Мещеряковой, А.Р. Тахаутдиновой и Т.В. Мычак, подтвержден и доказан факт, что на практике применяются только две меры пресечения – подписка о невыезде и заключение под стражу. В отечественном уголовном процессе достаточно редки случаи использования других мер пресечения, поскольку, как отмечают некоторые правоприменители, что другие виды мер пресечения обладают слабой или недостаточной эффективностью, поскольку не позволяют обеспечить гарантию решения основных задач уголовного процесса. В частности, среди прочих, домашний арест применяется все же по чаще [19, с. 21].

Рост количества удовлетворенных ходатайств об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста наблюдается с 2010 по 2017 гг. (2010 г. – 668, 2011 г. – 1 346, 2012 г. – 2 714, 2013 г. – 3 086, 2014 г. – 3 333, 2015 г. – 4 676, 2016 г. – 6 056, 2017 г. – 6 442). С 2018 по 2020 гг. зафиксирован резкий перепад числа удовлетворённых ходатайств об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения (2018 г. – 6 329, 2019 г. – 6 038, 2020 г. – 6 949) [48, с. 83]. Статистика за 2021 и 2022 гг. не вносит изменений в сложившуюся картину: за 2021 г. домашний арест назначен лишь в отношении 5% подозреваемых (обвиняемых), а за 2022 г. – 4%; меньшей популярностью пользуется только залог, который в 2022 г. применён приблизительно в 0,2% случаев [11, с. 127].

Уменьшение числа удовлетворённых ходатайств об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения объясняется:

Во-первых, процессуальным удобством нахождения подозреваемого (обвиняемого) в СИЗО. Этим положением крайне недоволен Председатель

Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, резюмируя по результатам 2022 г. следующее: «... суды не в полной мере реализуют возможность избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу» [11, с. 127].

Во-вторых, оптимизацией норм уголовно-процессуального законодательства.

В-третьих, сегодня известна практика применения меры пресечения, которая составляет достаточно высокую конкуренцию для домашнего ареста – запрет определенных действий. Прежде всего, это объясняется универсальностью и гибкостью меры в плане правового регулирования в отличие от домашнего ареста, который по своей сути является дополнением указанной меры [4].

Уголовно-процессуальная норма о домашнем аресте (ст. 107 УПК РФ), хотя и имеет изъяны, но их количество соразмерно меньше, чем при первоначальной редакции, т.е. до вступления в законную силу Федерального закона от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [53].

Перечисленные обстоятельства поставили под сомнение соответствие ст. 107 УПК РФ Конституции РФ. «В результате конституционного надзора было декларировано, что положения ст. 107 УПК РФ не соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой они не конкретизируют срок, на который избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, не определяют основания и порядок его продления и не ограничивают предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, в том числе с учётом срока содержания под стражей в качестве меры пресечения» [23].

Уголовно-процессуальным законодательством по сей день не раскрываются понятие и сущность домашнего ареста. УПК РФ ограничивается выделением его отдельных признаков, при анализе которых допустимо выработать определение данной мере пресечения.

Однако, исходя из контекста уголовно-процессуального законодательства, в частности, норм, регулирующих правоотношения в области применения домашнего ареста, как меры пресечения, можно выделить следующие характерные признаки:

Так, в числе нормативных признаков домашнего ареста оказались:

- принятие решения о назначении подозреваемому или обвиняемому домашнего ареста осуществляется исключительно в судебном порядке;
- после избрания данной меры пресечения, теряется возможность изменения на более мягкую, возможно только ужесточение, а именно – заключение под стражу;
- домашний арест по своей сути заключается в помещении и последующем принудительном нахождении лица в изоляции в жилище или ином месте, пригодным для жилья;
- домашний арест является многоаспектной мерой пресечения, которая помимо изоляции в жилище, также предшествует наложению дополнительных запретов – запрет на прогулки, на посещение, пользования мобильной связью и так далее.

С целью восполнения имеющихся пробелов института домашнего ареста следует обратиться к уголовно-процессуальной доктрине.

Научно-исследовательская работа под авторством А.В. Квык содержит позицию, согласно которой «домашний арест как мера пресечения не ограничивается лишь запретом, сопряженным с содержанием подозреваемого (обвиняемого) в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает на законных основаниях, но и могут быть применены иные, перечисленные в пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ» [14, с. 77]. Другие авторы говорят о том, что данное определение необходимо воспринимать при учёте всех запретов, установленных ст. 105.1 УПК РФ [17, с. 152].

Необходимо признать, что позиция Ю.О. Челпановой о том, что под домашним арестом понимается самостоятельный вид меры пресечения, подразумевающий полную изоляцию подозреваемого (обвиняемого) от общества [55, с. 77], более близка к логике российского законодателя. Однако, Ю.О. Челпановой не учитываются индивидуализирующие признаки института домашнего ареста. Это упущение восполняется в научных трудах Н.Н. Апостоловой, Т.К. Рябининой и Д.Е. Снегиревой. Рассмотрим их поподробнее.

Н.Н. Апостолова под домашним арестом понимает меру пресечения, которая состоит в «изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении или лечебном учреждении, без существовавшей ранее оговорки о «полной или частичной» изоляции» [2, с. 23]. Замечание данного автора вполне удачное, т.к. границы свободы конкретизируются судебным органом применительно к каждому подозреваемому (обвиняемому), допуская, например, возможность покидать жилое помещение для организации собственного досуга. Подтверждением высказанному послужит решение Кировского районного суда от 23.03.2020 г., которым срок домашнего ареста С. продлен до 30.06.2020 г. с сохранением ранее установленных запретов и ограничений, при этом С. разрешено посещение тренажерного зала в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 часов [24]. В случае отсутствия места организации досуга, суды могут разрешать ежедневные прогулки, т.к. понимают, что постоянное пребывание в «четырёх стенах» может пагубно отразиться на физическом и психическом здоровье подозреваемого (обвиняемого). В качестве примера используем постановление Калужского областного суда, которым установлен запрет на выход за пределы жилого помещения, в котором проживает ФИОб без разрешения следователя, за исключением случаев посещения медицинских учреждений при наличии соответствующих оснований, а также ежедневных прогулок в период с 13:00 до 14:00 часов с удалением на не более 1 000 метров от места жительства [25].

С учётом внесённых в 2018 г. изменений Т.К. Рябнина и Д.Е. Снегирева определили под домашним арестом самостоятельную меру пресечения, заключающуюся в полной изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества в пределах территории жилого помещения [44, с. 26]. Однако, употребление словосочетания «полная изоляция от общества» представляется неприемлемой и противоречит ранее рассмотренной авторской позиции.

Проанализировав приведённые подходы резюмируем, что под домашним арестом следует понимать один из видов меры пресечения, установленной и регламентированной в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, имеющая судебный порядок избрания и применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, суть которой заключается в ограничении некоторых конституционных и естественных прав человека, таких как: право на свободу передвижения, право на телефонные переговоры и так далее. Реализация данной меры пресечения осуществляется, как правило заключается в частичной или полной изоляции в месте, пригодном для жилья.

Подчеркнём, что критерий «полная изоляция от общества» допустима при избрании домашнего ареста, т.к. решение вопроса об организации досуга подозреваемого (обвиняемого) находится в пределах судебного усмотрения. Более того, данная категория позволяет ограничить домашний арест от конкурирующей меры пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ).

Выявив содержание понятия «домашний арест», определим, какие цели преследует данная мера пресечения.

В монографии под авторством Б.Б. Булатова, в качестве цели домашнего ареста называется изоляция обвиняемого на дому и минимизация его контактов со внешним миром [3, с. 98]. Представляется, что такой подход с точки зрения буквального толкования ст. 107 УПК РФ не точен: данным автором упускается, что «целевая аудитория» домашнего ареста не только лица, признанные в установленном порядке обвиняемыми, но и подозреваемые в совершении преступления; изоляция от общества

допускается и в стенах лечебного учреждения при проблемах со здоровьем подозреваемого (обвиняемого).

В диссертации канд. юрид. наук Ю.Г. Овчинникова цель домашнего ареста состоит в обеспечении «надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого с оставлением их в условиях мягкой изоляции, т.е. с сохранением права проживать в собственном жилище, с применением определенных запретов» [20, с. 23]. Отметим, что Ю.Г. Овчинников довольно точно обозначил цель домашнего ареста, соответствующей логике ст. 107 УПК РФ.

В диссертации канд. юрид. наук Е.В. Салтыкова говорится, что домашний арест служит для ликвидации возможности подозреваемым (обвиняемым) совершить «действия, указанные в ст. 97 УПК РФ, на досудебной и судебных стадиях расследования уголовного дела, а также для обеспечения исполнения приговора при учёте возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств, относящихся к личности подозреваемого (обвиняемого)» [46, с. 79].

Индивидуализируют институт домашнего ареста следующие параметры:

- степень ограничения свободы и личной неприкосновенности личности;
- запреты, сопутствующие данной мере пресечения;
- правовые последствия нарушения условий избранной меры пресечения;
- категории преступлений;
- процедура избрания и исполнения исследуемой меры пресечения.

На основании изложенного, под домашним арестом следует понимать один из видов меры пресечения, установленной и регламентированной в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, имеющая судебный порядок избрания и применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, суть которой заключается в ограничении некоторых конституционных и естественных прав человека, таких как: право на свободу

передвижения, право на телефонные переговоры и так далее. Реализация данной меры пресечения осуществляется, как правило заключается в частичной или полной изоляции в месте, пригодном для жилья.

Цель домашнего ареста – устранить возможность подозреваемого (обвиняемого) совершить действия, перечисленные в ст. 97 УПК РФ, на этапах досудебного и судебного расследования уголовного дела, а также обеспечить надлежащее исполнение приговора при учёте индивидуальных параметров подсудимого. В современной системе мер пресечения домашний арест заслуженно занимает второе место, уступая по строгости лишь заключению под стражу.

1.2 Правовое регулирование домашнего ареста: история и современность

Прототип домашнего ареста наблюдается в XVII в., о чём свидетельствуют обнаруженные О.Г. Овчинниковым признаки: «... когда к обвиняемым знатного происхождения приставляли пристава для надзора. Поднадзорные при этом находились у себя в жилище. Таким образом, хотя название рассматриваемой меры пресечения не встречалось, но впервые в истории России обнаруживается значимый признак домашнего ареста: наличие надзора со стороны должностных лиц органов государственной власти за правонарушителем, которому предписывалось не покидать пределы своего дома ... уже в то время появились зачатки формы контроля, которая известна сегодня – контроль без применения технических средств, осуществляемый путём постоянного наблюдения за обвиняемым» [21, с. 11].

Изложенная позиция подтверждает довод о том, что домашний арест носил элитарный характер, что вполне объясняется социальным неравенством, типичным для того времени.

Официальное закрепление домашнего ареста как меры пресечения наблюдается в Своде законов Российской Империи 1832 г. В этом контексте

справедливо высказался А.Ф. Кистяковский: «Издание Свода законов есть важная эпоха в истории нашего законодательства вообще и судопроизводства в частности. С изданием Свода законов не было внесено перемен в наши учреждения, дух закона остался тот же самый, как и до издания. Тем не менее, этой законодательной работой сделано было многое: все действующие законы приведены в известность, расположены в систему по предметам, подведены, хоть в слабой степени, под известные начала» [15, с. 47].

Из изложенного следует, что в XIX в. сформировалась дифференциация мер пресечения по категориям преступлений, где домашний арест совместно с полицейским надзором уступали тюремному заключению [1].

Принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. позволила обновить институт домашнего ареста. Новеллы, введённые реформой 1864 г., внесли множество изменений в уголовно-процессуальные отношения, возникающие при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения [22, с. 48].

Учитывая внесённые изменения, домашний арест не имел чёткой регламентации в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и был схож со Сводом законов Российской Империи 1832 г.

Последующее развитие института домашнего ареста произведено благодаря Декрету СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде». Принят свод законодательных актов, внёсших существенные изменения в рассматриваемую меру пресечения. В их числе «Положение о народном суде» от 30.11.1918 г. и «Положение о военных следователях» от 30.09.1919 г., исключившие домашний арест из системы мер пресечения, военные инструкции [47, с. 194].

В период с 1922 по 1923 гг. принимается семь отраслевых кодексов [47, с. 195]. Среди них УПК РСФСР от 25.05.1922 г., реабилитировавший институт домашнего ареста. В соответствии с УПК РСФСР от 25.05.1922 г., «домашний арест, как мера пресечения заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой»

[6, с. 295]. УПК РСФСР от 25.05.1922 г., претерпев редакции, сохранил систему мер пресечения в первоизданном виде. УПК РСФСР от 15.02.1923 г. сохранил домашний арест в качестве меры пресечения, не внося существенных изменений. Домашний арест по-прежнему признавался элитарной мерой пресечения, т.к. в большинстве случаев избирался к лицам, занимающим высокое социально-служебное положение, а в порядке исключения – к больным, престарелым, беременным и детям, т.е. социально неопасным личностям [10]. После утверждения Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 г. институт домашнего ареста ликвидирован, хотя ст. 33 данного документа предусматривалось расширительное толкование мер пресечения в положениях законодательства союзных республик [8, с. 67].

В советской уголовно-процессуальной доктрине 1970-х гг. начались новые бурные дискуссии о необходимости реабилитации домашнего ареста в существующую систему мер пресечения. Однако, политический режим, существовавший в тот временной период, вынуждал применять наиболее суровые меры воздействия, в связи с чем более гуманные становились всё большей редкостью.

УПК РСФСР 1960 г. не осуществлял правового регулирования института домашнего ареста в качестве меры пресечения.

УПК РФ от 18.12.2001 г. реабилитировал институт домашнего ареста [52].

В настоящее время разработан план развития мер пресечения. Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» констатировано, что в связи с применением таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, количество лиц, содержащихся в СИЗО и помещениях, функционирующих в режиме СИЗО, значительно уменьшилось. По состоянию на 01 января 2021 г. их число составляло 104,2 тыс. человек, что на 27,2 тыс. человек меньше, чем за

аналогичный период 2010 г. (на 01 января 2010 г. – 131,4 тыс. человек). Предполагается, что путём совершенствования законодательства РФ, касающегося мер пресечения, и создания надлежащих условий для избрания мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, достижима цель по успешной адаптации лиц, в отношении которых производилось уголовное преследование, в обществе после освобождения. В качестве показателей результативности программы называются: снижение количества лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы к 2024 г., предположительно до 400 тыс. человек, а к 2030 г. до 300 тыс. человек [43].

На основании изложенного, зарождение института домашнего ареста наблюдается с XVII в., а периоды его развития можно разделить на четыре этапа: первый охватил временной промежуток с XVII в. по 1832 г., и охарактеризовался отсутствием нормативной дефиниции о домашнем аресте, хотя отдельные его признаки усматривались в тексте закона; второй этап с 1832 г. по 1919 г. отличился закреплением домашнего ареста в системе мер пресечения в Своде законов Российской Империи 1832 г., а также в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.; третий этап с 1919 г. по 2001 г. охарактеризовался упразднением института домашнего ареста, УПК РСФСР 1922 г. восстановил его в системе мер пресечения, однако УПК РСФСР 1960 г. ликвидировал домашний арест на основании идеологических соображений; четвёртый этап с 2001 г. по современное время отличается активным развитием института домашнего ареста в системе мер пресечения.

1.3 Ограничения и запреты меры пресечения в виде домашнего ареста

Для ужесточения домашнего ареста, как второй по строгости меры пресечения, а также для увеличения его превентивного воздействия, суд на основании данных с уголовного дела и имеющимся доказательствами,

принимает решение об избрании определенных запретов и ограничений, которые назначаются вместе с домашним арестом, к ним относятся:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- запрет на общение с отдельными лицами;
- ограничение на почто-телеграфные отправления;
- использование мобильной или иного средства связи, а также ограничение доступа в сеть «Интернет».

Суд, исходя из тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств рассматриваемого дела, вправе подвергнуть подозреваемого или обвиняемого по одному или нескольким запретам, установленным пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Допускается, что запреты могут быть изменены судом по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, его защитника, законного представителя, а также следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело.

Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган [14].

Обратим внимание, что при избрании одного или нескольких запретов, предусмотренных пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, наряду с домашним арестом, суд обязан определить их вид и пределы, не выходя за рамки, установленные

законом. Подобного рода упущения трактуются в качестве существенного нарушения положений УПК РФ, необоснованно ограничивающие конституционные права и свободы подозреваемого или обвиняемого, что, соответственно, служит основанием для отмены принятого судом решения. Наглядным примером сказанному послужит Постановление Пермского краевого суда от 07 августа 2020 г. по делу № 3/1-7/2020. Суд апелляционной инстанции выявил, что при избрании домашнего ареста суд первой инстанции не учёл, что он не может подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам, не предусмотренным ч. 7 ст. 107 УПК РФ, им при назначении запрета не покидать жилое помещение не учтено, что Д. проходит обучение в аккредитованном образовательном учреждении, а баня и туалет находятся за пределами жилого помещения. Кроме того, суд первой инстанции не обосновал своё решение выбранного для домашнего ареста жилища, т.к. местом юридической регистрации Д. является п. Гайны, ул. <...>. Запрещая Д. общаться с определенными лицами, суд первой инстанции не идентифицировал их. И, наконец, в решении суда первой инстанции не конкретизируются пределы наложенных запретов.

Пермский краевой суд, выступая в качестве суда апелляционной инстанции, постановил изменить решение суда первой инстанции от 27 июля 2020 г. об избрании в отношении Д. домашнего ареста путём исключения из числа запретов: покидать жилище, расположенное по адресу п. Гайны <...>, без письменного разрешения следователя и контролирующего органа; менять указанное место проживания без разрешения следователя, т.к. данная мера воздействия является элементом подписки о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ); свободно передвигаться по п. Гайны в отсутствие сопровождения сотрудников ФСИН [38].

Запрет общаться с определенными лицами, закреплённый в п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, обоснован устранением негативного влияния подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избран домашний арест в качестве меры пресечения, на лиц, как участвующих (потерпевший,

свидетель, понятые и др.), так и не участвующих в уголовном процессе. Сомнительность данного запрета вызывается тем, что суд фактически не сможет запретить подозреваемому или обвиняемому общаться с лицами, совместно проживающими с ним. В этом контексте справедлива М.О. Румянцева, утверждающая, что суды практикуют запрет на общение в отношении конкретизированных лиц, т.е. в решении суда указываются данные, позволяющие идентифицировать лиц, общение с которыми недопустимо [45, с. 89]. Представляется верным отметить, что суд не может распространить действие рассматриваемого запрета на лицо, выступающего защитником подозреваемого или обвиняемого, его законного представителя.

В настоящее время встречаются правоприменительные ошибки по избранию запрета общаться с определенными лицами в качестве дополнительной меры превентивного воздействия на подозреваемого или обвиняемого, находящегося под домашним арестом. Наиболее частой такой ошибкой является использование абстрактных, обобщающих понятий, например, «близкие родственники», «близкие лица», «родственники», «свойственники», «участники уголовного судопроизводства». Усугубляется данная ситуация неоднородностью следственно-судебной практики: в одних случаях, суды исключают употребление таких понятий, делая акцент на конкретных данных, позволяющих идентифицировать лиц, общение с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещено. Этой логике последовал Верховный Суд Республики Дагестан, изменив постановление суда первой инстанции, исключив из резолютивной части указание на установление запретов «общаться с родственниками (свойственниками) потерпевших, свидетелей по делу» [26]. А в других – их использование носит бланкетный характер, отсылая к отдельным нормативно-правовым актам или положениям закона. К примеру, Верховный Суд Республики Карелии запретил обвиняемому В. общаться с «П., П., П., Щ., Б., Х. и иными участниками уголовного судопроизводства, за исключением следователя, защитников, контролирующего органа, близких лиц, круг которых определен законом»

[27]. Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики запретил подозреваемому Б. «общаться с любыми лицами, в том числе с потерпевшими, свидетелями по настоящему уголовному делу, друзьями, родственниками, за исключением его близких родственников, круг которых определен законом, защитников по уголовному делу, следователя и контролирующего органа» [28].

Из изложенных материалов судебной практики следует, что суды злоупотребляют обобщающими понятиями при наложении запрета на общение с определенными лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Отсюда возникают вопросы, например, какие лица признаются друзьями подозреваемого или обвиняемого? Допустимо ли ограничение общения с родственниками лицу, у которых нет близких родственников? Что предпринять лицу, если ему запрещено общаться с близким родственником (родственником), который совместно проживает с ним на основании устной договоренности? Перечисленные вопросы требуют своевременного вмешательства со стороны Пленума Верховного Суда РФ и парламентариев.

Отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, выступая запретом (п. 4 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), налагаемым совместно с домашним арестом, является мерой противодействия утечке или утере предметов, документов или сведений, обладающих ценностью для уголовного дела, содержащихся в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиограммах. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» разъясняет, что для установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или ограничения в этом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, определенном ст. 165 УПК РФ [40].

И, наконец, запрет на пользование мобильной или иным средством связи, а также ограничение или полный запрет на пользование сети «Интернет». Суд, при избрании данного вида ограничения, должен четко определить в каких случаях допустимо пользоваться средствами связи и сетью «Интернет», а в каких запрещено.

При назначении запрета использовать средства связи и сеть «Интернет» суд вправе решить вопрос о контроле за осуществлением подозреваемым или обвиняемым переговоров с использованием средств связи. Более того, судья может разрешить следователю, дознавателю производить контроль и запись переговоров, получать информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Сказанное не входит в конфронтацию с положениями ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, провозгласившей право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [13]. Подтверждают данный довод Р.М. Жиляев [11, с. 130], ч. 2 ст. 29 УПК РФ и п. 3 ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи», разрешающий осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям и электросвязи и сетям почтовой связи, на основании решения суда [54].

Некоторые авторы заслуженно подмечают такое упущение запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет» (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), как этап его контроля. Ни в УПК РФ, ни в совместном приказе Минюста России, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31.08.2020 г. № 189/603/87/371 не предусматриваются механизмы по получению сведений об использовании средств связи и сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым, находящимся под домашним арестом [51, с. 37]. В качестве решения образовавшейся проблеме выдвигается идея по расширению полномочий контролирующих органов производством проверок за соблюдением названного запрета [9, с. 131]. Другими авторами

предлагаются решения технического характера. С.М. Колотушкин описывает «действие метода «интеллектуального блокирования» следующим образом: вблизи с объектом наблюдения будет выставлен комплекс, имитирующий базовые станции сети подвижной радиосвязи, которые пеленгуют и регистрируют сведения об источниках радиосигналов – время, абонентский номер и номер IMEI. Благодаря известности названных данных контролирующий орган сможет направлять требование оператору сотовой связи о блокировке абонентских номеров и прекращения оказываемых услуг» [18, с. 14]. На основании изложенного, констатируем следующие выводы по первой главе исследования.

Под домашним арестом следует понимать один из видов меры пресечения, установленной и регламентированной в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, имеющая судебный порядок избрания и применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, суть которой заключается в ограничении некоторых конституционных и естественных прав человека, таких как: право на свободу передвижения, право на телефонные переговоры и так далее. Реализация данной меры пресечения осуществляется, как правило заключается в частичной или полной изоляции в месте, пригодном для жилья.

Цель домашнего ареста – устранить возможность подозреваемого (обвиняемого) совершить действия, перечисленные в ст. 97 УПК РФ, на этапах досудебного и судебного расследования уголовного дела, а также обеспечить надлежащее исполнение приговора при учёте индивидуальных параметров подсудимого. В современной системе мер пресечения домашний арест заслуженно занимает второе место, уступая по строгости лишь заключению под стражу. Для ужесточения домашнего ареста, как второй по строгости меры пресечения, а также для увеличения его превентивного воздействия, суд на основании данных с уголовного дела и имеющимся доказательствами, принимает решение об избрании определенных запретов и ограничений, которые назначаются вместе с домашним арестом.

Глава 2 Основания и порядок применения домашнего ареста

2.1 Основания и условия избрания домашнего ареста

Уголовно-процессуальная норма об домашнем аресте содержит общее основание применения данной меры пресечения: «... избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Как у любого вида мер государственного принуждения и пресечения у домашнего ареста имеются соответствующие основания избрания и применения, которые перечислены в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно ч. 1 указанной нормы, «дознатель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый»:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, домашний арест как мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, установленном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Порядок избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения аналогичен порядку избрания заключения под стражу, но с учётом особенностей, определенных ст. 107 УПК РФ.

Избранию домашнего ареста предваряют два процессуальных документа:

- постановление о возбуждении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста;
- постановление суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения или об отказе в этом.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается в судебном порядке, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый причастен к совершению преступления небольшой тяжести, если санкция нормы, устанавливающей ответственность за данное преступление, закрепляет наказание в виде лишения свободы. Закон предусматривает следующие легальные обстоятельства применения анализируемой меры пресечения [39]:

Во-первых, подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ. При таком условии избрание домашнего ареста допускается путём изоляции в жилом помещении, в котором подозреваемый (обвиняемый) находится на законных основаниях (к примеру, на основании договора найма).

Следующим основанием является отсутствие информации о личности подозреваемого или обвиняемого, т.е. его личность не подтверждена документами или достоверными сведениями.

В-третьих, подозреваемым или обвиняемым нарушена ранее избранная мера пресечения.

В-четвёртых, подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования или от суда. УПК РФ закрепляет правило, согласно которому при неизвестности места нахождения подозреваемого или обвиняемого следователь вправе поручить его розыск органам дознания, о чём указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление (ч. 1 ст. 210 УПК РФ).

Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отсутствие обвиняемого допускается только в случае

объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). В иных случаях действует общий порядок, т.е. установление места нахождения подозреваемого (обвиняемого) через ОРМ, задержание в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ, избрание меры пресечения, связанной с ограничением свободы.

«При избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения учитываются следующие условия:

- тяжесть преступления;
- сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий;
- совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании;
- поведение лица после совершения преступления (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда)».

Отдельное внимание необходимо обращать на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не достигших 18 лет, - на их возраст, условия жизни и воспитания, особенности личности, влияние на них старших по возрасту лиц, в том числе их законных представителей [12].

Приведенные условия подлежат обязательному выяснению и оценке при решении вопроса об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста. Эти сведения могут также обосновать необходимость смягчения избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест.

Для избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения следователь (дознатель) составляет соответствующее ходатайство, адресуемое в судебный орган. По результатам рассмотрения данного ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста;

– об отказе в удовлетворении ходатайства.

В постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо указывать жилое помещение, в котором подозреваемому или обвиняемому надлежит находиться.

В решении об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд должен указать вид и пределы налагаемых на лицо запретов, предусмотренных пунктами 3 - 5 части 6 статьи 105.1 УПК РФ, если в соответствии с частью 7 статьи 107 УПК РФ придет к выводу о необходимости их наложения на подозреваемого, обвиняемого.

Суд лишён возможности подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам, выходящими за рамки, установленные ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Это объясняется тем, что в отношении подозреваемого или обвиняемого лица будет фактически применено две меры пресечения – домашний арест и запрет определенных действий, а не «усиленная» вариация домашнего ареста. Такое обстоятельство признаётся нарушением УПК РФ, влекущим отмену или изменение судебного решения в апелляционном порядке (ч. 2 ст. 389.15 УПК РФ). Так, например, постановлением суда мера пресечения ФИО1 изменена с заключения под стражу на домашний арест сроком на 1 месяц 3 суток, а всего до 6 месяцев, т.е. до 06.04.2020 г. включительно, и установлены запреты. Однако, вопреки положениям уголовно-процессуального закона, суд первой инстанции возложил на ФИО1 запрет не покидать жилое помещение без письменного разрешения следователя и суда, не предусмотренный ч. 7 ст. 107 УПК РФ и пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Саратовский областной суд, выступая судом апелляционной инстанции, усмотрел данное нарушение и распорядился из резолютивной части постановления суда первой инстанции исключить запрет, относящийся к иной мере пресечения, а именно указание о запрете выходить за пределы жилого помещения, в котором ему избран домашний арест, без письменного разрешения следователя и суда [29].

При избрании запретов, установленных в пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, суд должен руководствоваться следующими требованиями:

Во-первых, запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, необходимо указать данные, позволяющие идентифицировать их.

Проведенный анализ накопившейся судебной практики позволяет резюмировать о неоднородности подхода в решении вопроса об идентификации лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается общение.

В одних случаях суды признают допустимым общение при участии лица, осуществляющего предварительное расследование, в качестве посредника. Так, постановлением судьи Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 15 июля 2020 г. подозреваемому запрещено общение в отсутствие следователя в любой форме с потерпевшим по делу Х.А., а также свидетелями и обвиняемыми У.А., А.Д.э, кроме защитников и близких родственников [30]. Представляется весьма спорным такое суждение, т.к. ни УПК РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ не предусматривают возможности нивелировать запрет на общение с определенными лицами при посредничестве лица, осуществляющего предварительное расследование.

В других случаях, использование абстрактных понятий (например, «друзья», «родственники») ставит под сомнение реализацию запрета на общение с определенными лицами. Усугубляется изложенная ситуация тем, что в ряде случаев суды не усматривают нарушений уголовно-процессуального закона или требований Пленума Верховного Суда РФ. Так, к примеру, адвокат А.А.В. подал апелляционную жалобу с требованием изменить постановление суда первой инстанции о продлении подсудимой С.Н.А. срока действия меры пресечения в виде домашнего ареста. В обоснование заявленных требований адвокат А.А.В. указал, что в обжалуемом постановлении в качестве ограничений указан запрет общаться со свидетелями по рассматриваемому уголовному делу, а также с их друзьями и родственниками. Список свидетелей указан в обвинительном заключении, в

связи с чем данные лица можно идентифицировать, однако не представляется возможным определить перечень «друзей» и «родственников» свидетелей. Краснодарский краевой суд, выступая судом апелляционной инстанции, отказал в удовлетворении заявленных требований [31].

Необходимо отметить, что указание процессуального статуса лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается общение, трактуется в качестве достаточного основания, позволяющего идентифицировать данных лиц. Так, например, Верховный Суд Республики Крым, выполняя функции суда апелляционной инстанции, признал доводы стороны защиты о том, что суд первой инстанции должен был указать в своём постановлении конкретный круг лиц, с которыми с ФИО1 запрещено общаться, несостоятельными, т.к. в данном случае для их идентификации достаточно указать их процессуальный статус, что и было сделано судом нижестоящей инстанции [32].

Во-вторых, при запрете на пользование средствами связи или ограничении в их использовании суду следует разъяснить подозреваемому, обвиняемому его право на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем и необходимость информировать контролирующий орган о каждом таком звонке (часть 8 статьи 107 УПК РФ).

Анализ судебной практики относительно вопроса, является ли существенным не разъяснение судом права подозреваемого или обвиняемого пользоваться телефонной связью для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем, позволило выявить об игнорировании данного требования, чем необоснованно ограничиваются конституционные и процессуальные права подозреваемого (обвиняемого).

Осложняется исследуемая проблема тем, что апелляционные инстанции часто не замечают в этом нарушении уголовно-процессуального закона и, соответственно, оснований для отмены или изменения решения суда первой инстанции. Примером изложенному послужит постановление Пермского краевого суда от 07 октября 2019 г. по делу № 22К-6494/2019, которым отклонены доводы защитника об наличии существенного нарушения положений УПК РФ, а именно ч. 8 ст. 107 УПК РФ. В обоснование заявленного, защитник указывает на отсутствие разъяснения права на использование А. телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи и иных спецслужб, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем [33].

Исключительны случаи, когда нарушение требований ч. 8 ст. 107 УПК РФ служит основанием для изменения решения суда в порядке апелляции. Поиск подходящей судебной практики, актуальной на современный период, не дал должных результатов. Встречается лишь решение 2016 г., когда «Краснодарским краевым судом резолютивная часть постановления Абинского районного суда от <...>, которым в отношении ФИО1 избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, изменена путём дополнения о праве ФИО1 на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, следователем, а также обязанности информировать контролирующий орган о каждом таком звонке» [34].

В-третьих, установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или ограничения в этом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ.

В-четвёртых, при возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета использовать информационно-телекоммуникационную сеть

"Интернет" суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением - если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения).

Проведя анализ судебной практики, можно подчеркнуть, что игнорирование данного требования неимоверно влечёт нарушение конституционного права человека на получение образования. К сожалению, таких случаев достаточно много. Приведём следующие примеры: ФИО1 на момент уголовного преследования являлся студентом АНОВО «Московский Международный университет» и ему требовалось продолжать обучение, однако суд первой инстанции отказал в удовлетворении его ходатайства об изменении ограничений (запрет пользоваться сетью «Интернет»), что поставило под сомнение успеваемость ФИО1 в ВУЗе. Приморский краевой суд, выступив в качестве суда апелляционной инстанции, также отказал в удовлетворении данного ходатайства [35]; аналогичной позиции придерживался Приморский краевой суд в другом рассмотренном деле, отказав в удовлетворении ходатайства обвиняемого о разрешении переписки посредством сети «Интернет» с целью обмена информацией с учебным заведением [36].

Сложившееся положение вещей нельзя признать в качестве надлежащего. Опасения судов относительно того, будет ли использована сеть «Интернет» в целях распространения недостоверной информации подозреваемым или обвиняемым относительно инкриминируемого преступления, чем ловко пользовались медийные личности (например, Алексей Навальный по делу «Ив Роше», о призывах к массовым беспорядкам, терроризму, о реабилитации нацизма; Илья Яшин по делу о «фейках» про российскую армию (ст. 207.3 УК РФ), вполне очевидна и понятна, однако не должна идти вопреки реализации конституционных прав подозреваемых (обвиняемых) [49].

Домашний арест избирается на срок до двух месяцев. Срок начала исполнения данной меры пресечения отчитывается с момента вынесения судебного решения. Допускается продление срока нахождения лица под домашним арестом до 6 месяцев (при невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены данной меры пресечения).

В срок домашнего ареста засчитывается время содержания лица под стражей. Общий срок содержания под домашним арестом не должен превышать 18 месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ).

Постановление судьи об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения направляется лицу, возбуждавшему ходатайство о мере пресечения, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста (УИИ), подозреваемому (обвиняемому) и подлежит немедленному исполнению (ч. 6 ст. 107 УПК РФ).

2.2 Характер и объем ограничений и запретов, назначаемых при применении домашнего ареста

При избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд вправе в зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств дела подвергнуть подозреваемого (обвиняемого) всем запретам, перечисленным в пп. 3 – 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, либо некоторым из них. Ограниченный перечень запретов, налагаемых при домашнем аресте, служит для усиления превентивного и пресекающего воздействия домашнего ареста, а не замещения запрета определенных действий, выступающего самостоятельной мерой пресечения.

При домашнем аресте подозреваемому или обвиняемому может быть запрещено:

- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

– использовать средства связи и сеть «Интернет».

Суду запрещается применять иные запреты, выходящие за рамки ч. 7 ст. 107 УПК РФ.

Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен перечислить сведения, позволяющие идентифицировать этих лиц. Анализ эмпирических данных относительно назначения запрета общаться с определенными лицами наталкивает на следующие выводы:

для идентификации достаточно указать на процессуальный статус лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается (ограничивается) общение.

не допускается запрет (ограничение) на общение подозреваемого (обвиняемого) со своим защитником (адвокатом), законным представителем. Указание в решении суда на возможность общения с этими лицами следует считать излишним.

при введении запрета на общение с определенными лицами, суды могут указывать, с какими лицами подозреваемому (обвиняемому) разрешается общение.

О факте разъяснении подозреваемому (обвиняемому) права на использование телефонной связи делается соответствующая запись в резолютивной части судебного решения.

Игнорирование правила о информировании, принадлежащего подозреваемому (обвиняемому), права на пользование телефонной связью в установленных законом случаях признаётся нарушением уголовно-процессуального законодательства, необоснованно ограничивающим подозреваемого (обвиняемого) в его правах, и служит основанием для изменения или отмены принятого решения в порядке апелляции.

Запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или ограничения в этом осуществляется с целью пресечения или минимизации утечки предметов, документов или

сведений, имеющих значение для уголовного дела, превентивного воздействия на поведение подозреваемого (обвиняемого).

В научной литературе отмечается, что «наибольшее количество проблем возникает у сотрудников УИИ при осуществлении контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и (или) ограничений, установленных судом, в виде общения с определенными лицами; отправки и получения почтово-телеграфных отправлений; использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [42].

При возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета использовать сеть «Интернет» суду следует указывать случаи, при которых лицу разрешается использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся такого заведения). Анализ эмпирических данных свидетельствует об негативной тенденции использования данного запрета наряду с домашним арестом.

Судами игнорируется требование об смягчении запрета на использование сети «Интернет» для обмена (поддержания) связи с учебным заведением, чем нарушается конституционное право на образование (ст. 43 Конституции РФ).

Итак, на основании проведенного исследования организационных основ домашнего ареста, можем сделать следующие выводы:

Уголовно-процессуальная норма об домашнем аресте содержит общее основание применения данной меры пресечения: «... избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Как у любого вида мер государственного принуждения и пресечения у домашнего ареста имеются соответствующие основания избрания и применения, которые перечислены в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно ч. 1 указанной нормы, «дознатель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый»:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, домашний арест как мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, установленном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Порядок избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения аналогичен порядку избрания заключения под стражу, но с учётом особенностей, определенных ст. 107 УПК РФ.

Избранию домашнего ареста предваряют два процессуальных документа:

- постановление о возбуждении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста;
- постановление суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения или об отказе в этом.

Глава 3 Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде домашнего ареста и пути их решения

В ходе исследования института домашнего ареста по УПК РФ от 2001 г. установлен ряд проблем, требующих решения и отдельного внимания со стороны Пленума Верховного Суда РФ и субъектов, обладающих правом законодательной инициативы.

Первая проблема сопряжена с этапом исполнения домашнего ареста. В силу слабой технической составляющей электронных браслетов их использование представляется ненадёжным и сомнительным для целей данной меры пресечения. Данные доводы подтверждают статистические данные: по состоянию на 01 января 2021 г. в территориальных органах ФСИН России числилось 6 621 электронный браслет (поколения 2010 г.), из которых 4 579 ед., т.е. 68%, находятся в рабочем состоянии; 18237 модифицированных электронных браслетов (поколение 2020 г.), из которых 13 435 ед. неисправны, что составляет 73%, говорит об техническом несовершенстве, нарушениях правил эксплуатации и обслуживания [7, с. 124], [41].

Кроме того, иными недостатками электронных браслетов являются:

- оптимальный режим функционирования при температуре свыше 5 градусов по Цельсию. Это условие вызывает серьёзные сомнения в применении данного технического устройства слежения на регионах средней полосы России, на территориях Сибири и Крайнего Севера;
- ограниченная зона уверенного приёма сигнала мобильного контрольного устройства в силу использования сети связи стандарта GSM;
- дискомфорт в повседневном использовании мобильных контрольных устройств;

- несоответствие разъёмов для заряда стационарного и мобильного контрольных устройств, влекущий негодность средств контроля за исполнением домашнего ареста;
- отсутствие индикатора заряда аккумуляторной батареи электронного браслета [5, с. 108].

Представляется, что способом решения рассматриваемой проблемы может стать разработка отечественного электронного браслета на основе современных смарт-часов, т.к. они вошли в привычку современного индивида, могут выдерживать агрессивные внешние условия, имеют индикатор заряда и иной полезный функционал.

Вторая проблема касается игнорирования абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», когда суды, запрещая пользоваться средствами связи и сетью «Интернет», ограничивают подозреваемого или обвиняемого в реализации своих конституционных прав (например, на образование, труд). Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что суды должны указывать случаи, при которых разрешается использование этой сети, а в качестве примера назвал обмен информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения. Однако, довольно часто встречаются случаи, когда ходатайство подозреваемого или обвиняемого о разрешении пользоваться средствами связи и сетью «Интернет» для поддержания связи с учебным заведением отклоняется как первой, так и апелляционной инстанциями.

Подтверждением сказанному послужит апелляционная жалоба адвоката В.С.Е. на постановление Советского районного суда г. Липецка от 08 июля 2020 г., которым внимание суда апелляционной инстанции обращалось на то обстоятельство, что суд первой инстанции не учёл, как повлияет домашний арест и установленные запреты на условия жизни как самой ФИО2, так и членов её семьи, в числе которых трое несовершеннолетних, находящихся на

её иждивении. На момент подачи данной жалобы все дети дошкольного возраста проходили дистанционное обучение в связи с эпидемией и выполняли задания с непосредственным участием своих родителей, которые получали их посредством связи через сеть «Интернет», и таким же образом отправляли результаты своих работ. Однако, в силу установленного запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет» ФИО2 лишилась такой возможности, что воспрепятствовало обучению её детей. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении апелляционной жалобы адвоката В.С.Е., сохранив действие запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет» [37].

Предполагается, что решением данной ситуации может стать дополнение п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ содержанием, дублирующим абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», поскольку при нарушении данного уголовно-процессуального положения у стороны защиты появится возможность обжаловать принятое в разрез с законом судебное решение с целью его отмены или изменения, где конечным результатом станет предоставление возможности пользоваться средствами связи и сетью «Интернет» для реализации конституционного права на образование.

Третья проблема касается этапа контроля за соблюдением запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет». Подмечено, что в УПК РФ, ни в совместном приказе Минюста России, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31.08.2020 г. № 189/603/87/371 не содержится механизмов, позволяющих получить сведения об использовании средств связи и сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым, находящимся под домашним арестом.

В качестве решения образовавшейся проблеме можно выделить две – нормотворческую и техническую. Первая предполагает расширение полномочий контролирующих органов производством проверок за

соблюдением запрета, установленного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а вторая – введением и развитием системы «интеллектуального блокирования». Механизм «интеллектуального блокирования» средств сотовой связи и сети «Интернет» на мобильном устройстве подозреваемого или обвиняемого, находящегося под домашним арестом, осуществляется путём применения оперативно-технических средств радиоконтроля за излучением несанкционированных абонентских станций, которые можно будет идентифицировать и отключать. Предлагается, что реализация «интеллектуального блокирования» будет осуществляться следующим образом: вблизи с объектом наблюдения (например, жилым помещением или лечебным учреждением, в котором находится подозреваемый или обвиняемый) будет выставлен комплекс, имитирующий базовые станции сети подвижной радиосвязи, которые пеленгуют и регистрируют сведения об источниках радиосигналов – время, абонентский номер и номер IMEI. Зная названные параметры, контролирующий орган сможет направлять требование оператору сотовой связи о блокировке абонентских номеров и прекращении оказываемых услуг. Потенциальными препятствиями в реализации «интеллектуального блокирования» могут стать затраты на финансирование в его закупке и обслуживании.

Четвертая проблема заключается в использовании абстрактных понятий («друзья», «родственники», «свойственники», «участники уголовного судопроизводства» [16]) при установлении запрета подозреваемому или обвиняемому общаться с определенными лицами или ограничивая его в общении с ними, что противоречит требованиям Пленума Верховного Суда РФ в части, касающейся обязанности судов указывать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц (абз. 2 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Анализ судебной практики позволил резюмировать о неоднородности подхода в решении вопроса об идентификации лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается общение: в одних случаях, суды разрешают общение с ними, но при участии должностного лица, осуществляющего предварительное расследование по данному делу; в других случаях, суды как первой, так и апелляционной инстанций допускают применение абстрактных понятий; в третьих случаях, признают такое обстоятельство в качестве основания для изменения решения суда.

Компромиссом для рассматриваемой проблемы может стать подход, при котором употребление обобщающих понятий («близкие родственники», «близкие родственники»), а также указание на процессуальный статус лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещено общение, является достаточным для идентификации таких лиц. Однако, применение иных таких понятий, например, «друзья», «свойственники», «знакомые», ставит под сомнение соблюдение данного запрета и, как следствие, размывает границы избранной меры пресечения. В силу этого требуется внесение в Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» дополнений, раскрывающих подобного рода понятия, либо участие высшей судебной инстанции в решении вопроса об отмене или изменении судебных решений, в которых применяются такие термины для обозначения круга лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, запрещается общение.

На основании изложенного, констатируем следующие выводы по третьей главе исследования.

Современный институт домашнего ареста характеризуется наличием проблем, требующих своевременного решения парламентариями и Пленумом Верховного Суда РФ.

Первая проблема – технические характеристики электронных браслетов не в полной мере способствуют соблюдению домашнего ареста.

Вторая проблема – игнорирование абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», когда суды, запрещая пользоваться средствами связи и сетью «Интернет», ограничивают подозреваемого или обвиняемого в реализации своих конституционных прав (например, на образование, труд).

Третья проблема – этап контроля за соблюдением запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет».

Четвёртая проблема – использование абстрактных понятий («друзья», «родственники», «свойственники», «участники уголовного судопроизводства») при установлении запрета подозреваемому или обвиняемому общаться с определенными лицами или ограничивая его в общении с ними, что противоречит требованиям Пленума Верховного Суда РФ в части, касающейся обязанности судов указывать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц (абз. 2 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Заключение

Проведённое исследование позволяет резюмировать следующее.

Под домашним арестом следует понимать один из видов меры пресечения, установленной и регламентированной в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, имеющая судебный порядок избрания и применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, суть которой заключается в ограничении некоторых конституционных и естественных прав человека, таких как: право на свободу передвижения, право на телефонные переговоры и так далее. Реализация данной меры пресечения осуществляется, как правило заключается в частичной или полной изоляции в месте, пригодном для жилья.

Цель домашнего ареста – устранить возможность подозреваемого (обвиняемого) совершить действия, перечисленные в ст. 97 УПК РФ, на этапах досудебного и судебного расследования уголовного дела, а также обеспечить надлежащее исполнение приговора при учёте индивидуальных параметров подсудимого. В современной системе мер пресечения домашний арест заслуженно занимает второе место, уступая по строгости лишь заключению под стражу.

Для ужесточения домашнего ареста, как второй по строгости меры пресечения, а также для увеличения его превентивного воздействия, суд на основании данных с уголовного дела и имеющимся доказательствами, принимает решение об избрании определенных запретов и ограничений, которые назначаются вместе с домашним арестом.

Уголовно-процессуальная норма об домашнем аресте содержит общее основание применения данной меры пресечения: «... избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Как у любого вида мер государственного принуждения и пресечения у домашнего ареста имеются соответствующие основания избрания и

применения, которые перечислены в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно ч. 1 указанной нормы, «дознатель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый»:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, домашний арест как мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, установленном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Порядок избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения аналогичен порядку избрания заключения под стражу, но с учётом особенностей, определенных ст. 107 УПК РФ.

Избранию домашнего ареста предваряют два процессуальных документа:

- постановление о возбуждении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста;
- постановление суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения или об отказе в этом.

Современный институт домашнего ареста характеризуется наличием проблем, требующих своевременного решения парламентариями и Пленумом Верховного Суда РФ.

Современный институт домашнего ареста характеризуется наличием проблем, требующих своевременного решения парламентариями и Пленумом Верховного Суда РФ.

Первая проблема – технические характеристики электронных браслетов не в полной мере способствуют соблюдению домашнего ареста.

Вторая проблема – игнорирование абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», когда суды, запрещая пользоваться средствами связи и сетью «Интернет», ограничивают подозреваемого или обвиняемого в реализации своих конституционных прав (например, на образование, труд).

Третья проблема – этап контроля за соблюдением запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет».

Четвёртая проблема – использование абстрактных понятий («друзья», «родственники», «свойственники», «участники уголовного судопроизводства») при установлении запрета подозреваемому или обвиняемому общаться с определенными лицами или ограничивая его в общении с ними, что противоречит требованиям Пленума Верховного Суда РФ в части, касающейся обязанности судов указывать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц (абз. 2 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдуллина А.У. История возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводственный // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 159-161.
2. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 23-25.
3. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: Монография. Омск : Омская Академия МВД России, 2003. 320 с.
4. Волков А.И. Некоторые аспекты теории и практики применения домашнего ареста, как меры пресечения // Аллея Науки. 2019. № 5(32). С. 586-591.
5. Воробьев М.В. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде ограничения свободы с использованием средств электронного мониторинга: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2015. 204 с.
6. Голубинский С.А. История законодательства СССР и РСФСР по Уголовному процессу и организации суда 1917-1954 гг. М. : Гос. Издат. юрид. литературы, 1955. 636 с.
7. Голубцова К.И., Давлетшина К.И. Проблемные вопросы эксплуатации систем электронного мониторинга подучетных лиц в федеральной службе исполнения наказаний и перспективные направления их решения // Вестник Самарского юридического института. №. 5 (46). 2021. С. 122-127.
8. Долгушин Д.А. Домашний арест и заключение под стражу: особенности избрания и применения: монография; Владимирский гос. ун-т. Владимир : Издательство Владимирского гос. ун-та, 2008. 120 с.
9. Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде

домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. 2016. № 1. С. 130-137.

10. Ефимова Е.Н. Проблемы применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, в рамках изучения учебной дисциплины «Уголовный процесс» // Молодой ученый. 2017. № 43. С. 188-191.

11. Жилияев Р.М. К вопросу о некоторых проблемах контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети «интернет» лицами, в отношении которых избран домашний арест // Вестник Кузбасского института. №. 2 (51). 2022. С. 123-136.

12. Истомина Б.Б. Место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста по уголовным делам // Аспирант. 2018. № 2 (39). С. 34-37.

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

14. Квык А.В. Система средств контроля над нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом нуждается в коренном преобразовании // Расследование преступлений: проблемы и пути их разрешения. 2017. № 1 (15). С. 76-80.

15. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб, 1868. 134 с.

16. Климов В.В. Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России // Вестник Брянского государственного университета. №. 2. 2011. С. 241-247.

17. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г. И. Загорского. - М. : Проспект, 2016. 1216 с.

18. Колотушкин С.М. Технологии фоноскопии в противодействии незаконному использованию средств мобильной связи на территории

учреждений УИС // Петербургские Пенитенциарные конференции. материалы конференций. В 4 т. Санкт-Петербург. 2021. С. 12-16.

19. Мещерякова Ю.О., Тахаутдинова А.Р., Мычак Т.В. К вопросу о системе мер пресечения в российском уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 21-27.

20. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 209 с.

21. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.

22. Овчинников Ю.Г. Понятие, цели и сущность домашнего ареста, как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России // Следователь. 2011. № 5. С. 46-51.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П // Собрание законодательства РФ. 19.12.2011. № 51. Ст. 7552.

24. Постановление Томского областного суда от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/>.

25. Постановление Калужского областного суда от 19 октября 2020 г. по делу № 3/12-60/2020 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/>.

26. Постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 09 декабря 2019 г. по делу № 22К-2521/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

27. Постановление Верховного Суда Республики Карелия от 24 июля 2020 г. по делу № 3/1-6/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

28. Постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 25 августа 2020 г. по делу № 3/1-127/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

29. Постановление Саратовского областного суда от 18 марта 2020 г. по делу № 3/2-52/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

30. Постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа от 21 августа 2020 г. по делу № 3/2-211/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

31. Постановление Краснодарского краевого суда от 03 августа 2020 г. по делу № 3/4-170/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

32. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 05 августа 2020 г. по делу № 3/3-24/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

33. Постановление Пермского краевого суда от 07 октября 2019 г. по делу № 22К-6494/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

34. Постановление Краснодарского краевого суда от 29 августа 2016 г. по делу № 22К-5042/2016 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

35. Постановление Приморского краевого суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 22-1722/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

36. Постановление Приморского краевого суда от 18 декабря 2018 г. по делу № 22-5915/2018 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

37. Постановление Липецкого областного суда 17 июля 2020 г. по делу № 3/4-15/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

38. Постановление Пермского краевого суда от 07 августа 2020 г. по делу № 3/1-7/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

41. Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 (ред. от 15.11.2018) «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в

месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (вместе с «Правилами применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») // Собрание законодательства РФ. № 8. 25.02.2013. Ст. 838.

42. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2020 № 59635) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 04.09.2020. № 0001202009040030.

43. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 17.05.2021. № 20. Ст. 3397.

44. Рябина Т.К., Снегирева Д.Е. О некоторых проблемных аспектах применения новой меры пресечения – запрета определенных действий // Мировой судья. 2018. № 12. С. 25-32.

45. Румянцева М.О. Перспективы реализации меры пресечения в виде запрета определенных действий // Журнал прикладных исследований. Т. 3. № 2. 2021. С. 87-91.

46. Салтыков Е.В. Домашний арест в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2007. 149 с.

47. Сальников В.П. История государства и права России и зарубежных стран. М. : ЦОКР МВД России, 2014. 501 с.

48. Советов А.М. Понятие и место домашнего ареста в российской системе мер пресечения // Вестник магистратуры. №. 10-2 (97). 2019. С. 83-84.

49. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

50. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.

51. Усачев А.А., Котлярова Л.Н. Запрет определенных действий как новая мера пресечения // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 4. С. 34-40.

52. Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52. Ст. 4924.

53. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 278. 09.12.2011.

54. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. № 28. 14.07.2003. Ст. 2895.

55. Челпанова Ю.О. Особенности применения мер пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому // Молодой ученый. 2018. № 37. С. 77-79.